

святыхъ“, лѣзли туда со скотомъ, птицею и мѣняльными прилавками, когда Христосъ услыхалъ мычаніе воловъ, блеяніе овецъ, воркованіе голубей, звонъ монетъ и крики торгаши сливающимися съ молитвами, пѣснопѣніемъ и возгласами, обращенными къ Богу, то душа Его исполнилась скорбью и омерзѣніемъ, ревностью божественной омрачилось сердце Его и наполнилось неудержимымъ желаніемъ свидѣтельствовать противъ такого великаго нечестія и святотатства. Обличить святотатство и прекратить его захотѣлъ Христосъ.

Взявъ нѣсколько валявшихся на полу веревокъ, Иисусъ связалъ ихъ въ пучокъ, въ родѣ плетки или бича, и, поднимая этотъ бичъ, какъ эмблему осужденія, заслуженного этой толпой, Онъ сталъ уличать толпу въ нарушеніи богоочитанія, уличать ее въ богохульномъ издѣвателствѣ надъ Всемогущимъ, въ оскорблениі Отца такою гнусною смѣсью молитвъ и торгащества.

Съ возрастающимъ жаромъ негодующаго обличенія лилась рѣчь Христа,—рѣчь властная, нравственно-могучая, религіозно-авторитетная. Онъ громилъ, повелѣвая немедленно очистить храмъ и не дѣлать изъ него „вертепа разбойниковъ“. Народъ, изумленный и побѣжденный правдою и силою Его обличеній, покорился вліянію нравственно-могучаго Его слова и невольно принялъся исполнять приказаніе о водвореніи благообразія въ храмѣ.

Я убѣжденъ, что во всемъ этомъ происшествіи единственнымъ двигателемъ была духовно-нравственная сила убѣженія; я знаю, что Иисусъ лично не могъ прибѣгать къ физической силѣ, что Онъ всегда, какъ въ самыхъ серьезныхъ случаяхъ, такъ и въ малѣйшихъ подробностяхъ жилъ согласно призванію своему—служенію Богу и людямъ. Я глубоко вѣрю въ то, что въ характерѣ Христа не было ни буйства или фанатизма изувѣра, ни побужденій полицейскаго надзирателя, и что Онъ при изгнаніи